

УДК 811.161.1'37

КВАЗИСИНОНИМИЯ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ *ДРУГОЙ/ИНОЙ* В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ДВОЕМИРИЯ КАК ОСНОВЫ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

© 2020 г.

М.Т. Шакинова

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Шымкент

maigul1379@mail.ru

Поступила в редакцию 19.12.2019

Антропоцентричность современной лингвистической науки породила новые научные направления, которые сложились в самостоятельные научные дисциплины со своим объектом, предметом и методами исследования: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, концептология и др. Объединяющим их началом является то, что в центре исследования находятся человек и язык в различных трихотомиях, в том числе: «язык – человек – мышление», «язык – человек – культура», «язык – человек – народ», «язык – человек – ментальность», «язык – человек – дискурс». Репрезентирующую функцию человеческого фактора в языке могут выполнять единицы на разных уровнях, например: лексико-семантическом, фразеологическом, грамматическом. В настоящей статье нами осуществлена попытка исследования дейктических элементов как носителей имплицитно выраженной в дискурсе культурно значимой информации. Дейктическая функция местоимений *другой/иной*, как показывает наше исследование, позволяет объективизировать культурно значимые смыслы русской ментальности, проявляющейся в характерном для русского народа концептуальном двоемирии.

Ключевые слова: лингвокультурология, русский язык, ментальность, концепт, концептосфера, национальный код, языковая репрезентация, дейкис, двоемирие, оппозиция.

Современная лингвистическая научная парадигма антропоцентрична, в центре ее находится человек с его когнитивными, социальными, культурными, психологическими, индивидуальными характеристиками. В русле антропоцентризма активно развиваются смежные научные дисциплины, возникшие на стыке языкознания и антропологических наук: когнитивная лингвистика, психо-, социо- и этнолингвистика, лингвокультурология, прагмалингвистика, концептология и др. Объектом исследования становится не сам язык с его структурными единицами, а особенности репрезентации в языке человеческого фактора. В этой связи наибольшую научную популярность получили вопросы категоризации и концептуализации мира, языковой и национальной картины мира, культурного кода нации, культурных концептов, языка ментальности и ментальности в языке. Большую роль в развитии антропоцентрической лингвистики сыграли идеи и труды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира, Б. Ли Уорфа, Д.С. Лихачева, В.Н. Телии, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, В.В. Воробьева, Ю.С. Степанова и многих других ученых.

Современная лингвистическая наука направлена на изучение ментальности, особенностей его отображения и аккумуляции в языке в виде определенных ментальных структур. Более того, связь между ментальностью и языком дву-

сторонняя: с одной стороны, ментальность отображается в языке и влияет на его развитие, с другой – язык также влияет на формирование ментальности того или иного народа.

Также следует отметить, что если ранее ученые пытались выявить особенности репрезентации ментальности на ограниченном круге языковых единиц (например, метафоры, фразеология, поговорки и пр.), то в настоящее время наблюдается тенденция к расширению объекта лингвистического познания и пониманию того, что языковые единицы на всех уровнях языковой системы являются своеобразными носителями культурно значимой информации. Объектом настоящего исследования являются местоимения *иной/другой*, которые посредством выполнения дейктической функции не называют определенные реалии действительности, а в дискурсе указывают на целый спектр культурно значимых смыслов.

Ментальность того или иного народа характеризуется определенным набором культурно значимых смыслов, идей и представлений, образующих специфическую национальную картину мира, или концептосферу. Д.С. Лихачев под концептосферой понимает совокупность концептов, которые включают культурный опыт личности, ее знания и навыки как своеобразный отклик на предшествующий языковой опыт народа в целом [1, с. 4]. Понятие *концепт*

в лингвистике многогранно, его рассматривают с точки зрения различных аспектов: психолингвистического, когнитивного, лингвокультурологического и др. Так, Е.С. Кубрякова под концептом как единицей когнитивной лингвистики понимает оперативную ментальную единицу человеческого сознания, в которой репрезентируются индивидуальный опыт и знания, определенный квант знания картины мира [2, с. 90]. Н.Д. Арутюнова концепт с позиции лингвофилософского подхода определяет как определенное «мировоззренческое понятие», представляющее «обыденную», «практическую философию человека», объединяющую элементы фольклора, традиций, религии, опыта, искусства и пр. [1, с. 3]. А. Вежицкая в дефиниции концепта актуализирует лингвокультурологический аспект и определяет концепт как «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [3]. Академик Ю.С. Степанов, продолжая развивать лингвокультурологическое осмысление концепта, рассматривает их как культурные концепты, «сгустки культуры в сознании человека», посредством которых культура отображается в ментальном мире человека. В словаре «Константы: Словарь русской культуры» им даны описания ключевых концептов: *вечность, закон, любовь, душа, соборность, совесть* и др. [4]. Таким образом, концепты представляют собой специфический культурный код, в котором переплетаются национальные и индивидуальные представления, знания, навыки, опыт, система ценностей и моделей поведения.

Данные концепты структурируются в концептосферу и находятся в определенных взаимосвязанных и взаимообусловленных отношениях. Одним из таких отношений является бинарная оппозиция, когда два явления не только противопоставлены, но и дополняют друг друга (к примеру, *истина – ложь, жизнь – смерть, свой – чужой*) и др. Подобного рода оппозиции отмечали большинство ученых в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и концептологии: Н.Д. Арутюнова, А. Вежицкая, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев и др. Исследователь Т.Б. Радбиль отмечает, что специфическим проявлением русской языковой ментальности является двоемирие, проявляющееся в репрезентации бинарных оппозиций одного понятия: *свобода/воля, дух/душа, добро/благо, совесть/стыд, долг/обязанность* и пр. «Последовательное противопоставление «высокого» и «низкого» регистров в репрезентации одной и той же идеи прослеживается в самых разных концептуальных областях – от конкретных ве-

щей, признаков или процессов до высокоспециализированных ментальных абстракций (*град – город, рождать – рожать, прекрасный – красивый* и пр.)). Данное явление исследователь связывает с исторически обусловленной причиной: бытовое (исходное древнерусское) наименование и «высокий» тип номинации, восходящий к церковнославянскому. Иными словами, существуют два модуса концептуализации одного и того же явления: торжественно-величавое (идеальное) и приземленно-бытовое, обыденное (реальное) [5, с. 49].

В рамках обозначенного концептуального двоемирия сквозь призму высокого и низкого, метафизического и физического, духовного и материального, возвышенного и приниженного, своего и чужого и др. дейксисы *другой/иной* своеобразно объективируют ментально значимую информацию. Специфическое отражение местоимениями действительности всегда привлекало внимание ученых. Семантические особенности местоимений подчеркивает Н.Ю. Шведова и рассматривает их как носителей наиболее определенных смыслов глобального характера, отражающих как материальный, так и духовный мир человека [6]. Ю.Д. Апресян рассматривает местоимения как определенные дискурсивные слова [7]. Двойственный характер дейктических единиц обусловлен связью с языковой системой языка и реализацией в речи, где осуществляется указание на конкретные референты и отношения между ними [8]. Под дейктическими элементами мы вслед за О.Н. Селиверстовой понимаем такие средства, которые выражают идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам и контексту [9, с. 245]. Исследователь С.А. Крылов дейктические местоимения делит на ситуационно-дейктические и контекстно-дейктические, то есть анафорические, отсылающие к контексту [10, с. 9]. Таким образом, дейктические элементы указывают на тот или иной фрагмент действительности, выделяя реалии (лица, предметы, явления) относительно интенции говорящего и его культурных, национальных, индивидуальных воззрений на мир.

Местоимения *иной/другой* не имеют одинакового толкования в разных лексикографических источниках, что связано с тем, что они в зависимости от контекста могут указывать на определенные предметы и признаки в широком смысле.

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой слово *другой* представлено 4 значениями: «(1) Отличный от данного или от прежнего; иной, не этот (*Растут новые талан-*

ты из рабочих и крестьян, которые при другом общественном строе были бы раздавлены); (2) Следующий, второй; еще один, обычно для обозначения последовательности явлений, предметов и т. п. (*Прошел день, прошел другой...*); (3) Такой же, одинаковый, похожий (*Не вы одна, весь свет смеется из пустова. Зато же сыщите вы где меня другога? Кто чувствует как я?*); (4) Кто-либо посторонний, чужой (*При других она была ласкова с ним, а наедине дика и груба*)» [11].

В данном словаре слово *иной* представлено 3 значениями: «1) Другой, не тот, не такой, отличающийся от этого (или от прежнего) (*Вот холм лесистый, над которым часто Я сиживал недвижим – и глядел На озеро, вспоминая с грустью Иные берега, иные волны. Пушкин, Вновь я посетил. Вы ушли, как говорится, в мир иной. Маяковский, Сергею Есенину*); 2) Некоторый; какой-нибудь, какой-либо (*Отважная дерзость в иных случаях выше всякой мудрости. Герцен, С того берега. Щечки такие кругленькие, что иной шалун надуется нарочно, а таких не сделает. И. Гончаров, Обломов*); 3) Какой-то из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов (*Вид ужасный! --- Скривились домики, другие Совсем обрушились, иные Волнами сдвинуты. Пушкин, Медный всадник*)» [11].

С целью более полного описания культурно значимых смыслов следует изучить этимологию слов *другой/иной*. В словаре Н.М. Шанского говорится, что «иной. Общеслав. индоевр. характера. Исходно – "один, сам", затем – "некий, какой-то" и "другой"» [12]. М. Фасмер отмечает, что слово *иной* «нельзя отделять от *ino- "один, одно" в сложениях и производных: иноходь ж., иноходец, др.-русск. иноходьць, СПИ, ст.-слав. инии мн. Ὀτινές', вьинж "постоянно", иночьдъ моноуєνής, инорогъ монокероѡс и т. д.; Родственно лит. inas "действительный, правильный"; с др. ступенью гласного; др.-прусск. ains "один", лит. vienas, лтш. viēns – то, др.-лат. oīnos, лат. ūnus, греч. οἶνος, οἶνή "одно очко на игровой кости", гот. ains, ирл. óin. Следует оставить также сравнение inь "другой" с др.-инд. anuas "другой", вопреки Мейе (Ét. 433 и сл.) [13]. Местоимение *другой* «друг друга, укр. другий "второй", блр. другі – то же, ст.-слав. дроугъ дроуга ἀλλήλους (Мейе 1, 64), дроугъ ἄλλος (Супр.), болг. дрúги, сербохорв. друѓи, словен. drúg "другой", drúgi "второй", чеш. druhý "второй", druh druhа "друг друга", польск. drugi "второй", в.-луж. druhi – то же. Первонач. тождественно друг (Бернекер, 230; Траутман, BSW 59)» [13]. Таким образом, согласно данным словаря М. Фасмера, слова *иной* и *другой*

совпадают во втором значении, указывая на *другое, отличное*, слово *иной* родственен слову *один*, а *другой* – с *другом*.

Исследователь И.В. Труфанова при составлении лексикографического портрета *иной* провела контент-анализ словарных и исследовательских статей (М. Федорова, М. Фасмер, Н. Шанский и др.) и, приводя аргументы и доказательства из древнерусских текстов и данных этимологических словарей, отмечает, что в какой-то период исторического развития русского языка наблюдалось совпадение в значениях слов *иной, другой*. Постепенно, стремясь к преодолению данной дублетности, происходит разграничение в значениях. За словом *иной* закрепляются значение неопределенности «некоторый, какой-нибудь, какой-то» (*Иному (суц.) это может не понравиться*) и значение непохожести, отличия от кого-, чего-либо (*иностранный, иноземный, инопланетянин, инородный, иногородний, иноверец, иносказание, инородец, иноязычный, иномарка, интурист* и др.) Местоимение *другой* получает значения «второй», а также отличный от кого-, чего-либо, непохожий» [14].

Этимологический анализ, исторический ракурс и описание значений в современных толковых словарях отражают синонимичность данных слов. Дейкитическая функция местоимений *другой/иной* как репрезентации культурного кода определяется в контексте на примере фразеологизмов, пословиц и поговорок, а также художественных текстов. Как справедливо писал Ю.М. Лотман, «мы имеем право рассматривать сумму составляющих культуру текстов на двух уровнях: как определенные сообщения и как реализацию кодов, при помощи которых это сообщение дешифруется в тексте» [15, с. 400]. Анализ дискурса, в котором функционируют местоимения *другой/иной*, показывает, что помимо их некой смысловой общности существует своеобразная концептуальная связь-оппозиция, характерная русской языковой ментальности (по аналогии *ум/разум, дух/душа, прекрасный/красивый* и др.), что позволяет нам говорить об их квазисинонимичности [5].

Дейкитическая сущность местоимений *другой/иной* расширяет спектр национально-культурных смыслов в дискурсе и проявляется в ряде бинарных коррелятивных пар: «я – не я»; «свой – чужой»; «такой – не такой»; «я – как ко мне»; «один – второй»; «этот – следующий».

Оппозиция «я – не я». Эгоцентризм языка проявляется в том, что любой носитель языка в первую очередь выделяет себя из окружающего мира, противопоставляя себя всем остальным. Для носителя языка его собственные интересы

и интересы коллектива, к которому он принадлежит, являются мерилем его отношений ко всем остальным. Выделение своего «я» в четком разграничении и даже противопоставлении с остальными видно в следующих примерах: *Мне плохо, пусть другим будет плохо. Сам потону и других потоплю. Чем другого наряжать, к себе примеряй. Не ищи правды в других, коли в тебе нет. Сам не ест и другим не дает. Чем кто соблазнился, тем и других соблазняет, кто собой не управит, то и другого на ум не наставит* (посл.) Как видно из данных примеров, в противопоставлении представлены ряды реального (физического) мира, поэтому носитель языка неслучайно избирает дейксис *другой*, а не *иной*. Стремление к индивидуализации и противопоставление остальному миру ярко прослеживается в русской поэзии, в особенности начала XX века: *Что другим не нужно – несите мне! Все должно сгореть на моем огне! Я и жизнь маню, я и смерть маню В легкий дар моему огню* (М. Цветаева). *Переплеск многопенный, разорванно слитный, Самоцветные камни земли самобытной, Переключки лесные зеленого мая, Все пойму, все возьму, у других отнимая* (К. Бальмонт).

Оппозиция «свой – чужой». Восприятие мира сквозь призму «я» усиливается, где все остальное не просто противопоставлено носителю языка, а становится или является чужим. Деление мира на «свой» и «чужой» составляет основу архетипического восприятия пространственных отношений. Свое всегда дороже, ближе и лучше, а к чужому формируется равнодушие («я – не я, моя хата с краю»). *Лучше в другую голову, чем в свою; что у тебя болит, то у другого не свербит; других не суди, на себя погляди.*

Оппозиция «такой – не такой». Исследователь И.Е. Шувалова отмечает, что *другой* называется «денотативно отличный от данного»: *Шел в комнату, попал в другую* (А.С. Грибоедов) [16, с. 72]. Носитель языка нередко в восприятии тех или иных явлений/событий оперирует выработанными обществом понятиями и стереотипами, поэтому он может разграничивать что-либо по совпадению/несовпадению по тем или иным признакам. И в случае несовпадения с общепринятыми представлениями относительно конкретного (физического) мира русский человек в основном использует дейксис *другой* (например, *другого вида*). Сын смотрел в микроскоп. *«Друг за дружкой гоняются! Это маленько другие... Кругленькие»* (В. Шукшин).

Такой же принцип лежит в основе дифференцированного отношения к обществу и его отдельным представителям. Люди характеризуются по определенным признакам: бедности,

глупости и др. Например, по справедливости: *не всяк судит по праву, другой – по криву*; по отношению к делу и службе: *одному служба – мать, другому – мачеха; не всякий в старцы стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса*; социальному положению: *один за стол, другой – под стол; много за стол сажают, много из-под стола гоняют*; дело мастера боится, а иной мастер — дела; жизненным позициям: *И буду сравнивать! Потому что один человек – горит, а другой – тлеет* (В. Шукшин); *Есть лица – подобные пышным порталам, Где всюду великое чудится в малом. Есть лица – подобия жалких лачуг, Где варится печень и мокнет сычуг. Иные холодные мертвые лица Закрыты решетками, словно темница. Другие – как башни, в которых давно Никто не живет и не смотрит в окно... Из этих, как солнце, сияющих нот Составлена песня небесных высот* (Н. Заболоцкий).

Данная оппозиция проявляется и в противопоставлении «такой как все – не такой как все» (отличный, непохожий, несоответствующий). Например, фразеологизм *из другой оперы* говорит о том, что не имеет никакого отношения к данной теме. Фразеологизм *из другого теста* указывает на человека, не похожего на других: *Не угодно ли вам побеседовать с Лоскутовым тоже на военную тему, — правда, только из другой оперы* (Сергеев-Ценский). Под «не таким как все» подразумеваются инакомыслящие, инакодействующие, изгои общества, противопоставленные всем остальным. *Застонал я – динамики взвыли, – Он сдавил мое горло рукой... Отвернули меня, умертвили Заменяли меня на другой. Тот, другой, он все стерпит и примет, Он навинчен на шею мою. Часто нас заменяют другими, Чтобы мы не мешали вранью* (В. Высоцкий). Исследователь И.Е. Шувалова также отмечает, что слово *другой* имеет значение «такой же, как все остальные элементы (или как данный элемент) множества, но рассматриваемый отдельно от них»: *Поверили глупцы, другим передают. Старухи вмиг тревогу бьют – И вот общественное мненье!* (А.С. Грибоедов) [16, с.72].

Местоимения *иной/другой* в оппозиции «такой – не такой» указывают на непривычное, выходящее за рамки обычного: *Дайте мне глоток другого воздуха! Смею ли я роптать, наверно, смею* (В. Высоцкий); *И думается в такие огромные, светлые, ядовитые ночи вольно, дерзко, сладко. Это даже не думается, что-то другое: чудится, ждётся что ли* (В. Шукшин). Данные смыслы нередко связаны с абстрактными явлениями действительности, а также указанием на метафизическую вертикаль, наиболее характерны в большей степени второму члену коррелятивной пары – дейксису *иной* (*иной воз-*

дух, иной мир, иное дело, смотреть иными глазами; от иной похвалы хоть в землю уйти; иной смех плачем отзывается и пр.). Ярким примером может послужить фразеологизм *отойти в мир иной*, то есть не просто умереть, а перейти из мира реального в мир духовный, метафизический, в вечную жизнь. Такое понимание двоемирия свойственно русской поэзии: *Там в сиянье ясного Маира, В колыханье светлого эфира, Мир иной таинственно живет* (Ф. Сологуб); *Линяют страсти под луной В обыденной воздушной жиже. А я врываю в мир иной. Тем невозвратнее – тем ниже* (В. Высоцкий). Также, по мнению И.Е. Шуваловой, для местоимения *иной* характерно стремление выделить объект, подчеркнуть его индивидуальность, обособленность и одновременно типичность: *иное время – иное бремя*.

Оппозиция «я – как ко мне». Особенностью русского менталитета является то, что он не всегда противопоставляет себя окружающему миру и у него возникает единое «мы», что соответствует идее соборности в православном мире. Идея сопричастности к общему, неотделимости от коллектива, народа отражается в следующих примерах: *Лучше самому терпеть, чем других обижать; сам потерпи, а другого не обидь; что себе не хочешь, то и другому не твори*. При этом идея соборности нередко вступает в конфликт с принципом индивидуализации, о чем свидетельствует всем известное и понятное «любить иных – тяжелей крест» (Б. Пастернак). Данный национально-культурный смысл отражается во фразеологизмах и пословицах с взаимными местоимениями *друг другу, друг дружку*, этимологически родственными дейксису *другой*: *друг по другу, а Бог по всех; ты, гроза, грозись, а мы друг за дружку держись*. В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского слово *другой* было многозначным, в одном из значений указывая на «всякого и ближнего человека», тем самым сохраняя родство со своим историческим производящим словом *друг*.

Оппозиция «один – второй». Дейксис *другой* при обозначении последовательности чего-либо в рамках свойственной человеку дихотомии указывает на вторую составляющую пары: *одна рука в сахаре, другая в меду; в одном кармане пусто, в другом – капуста* (посл.). Также особенностью русской ментальности, основанной на православном мировосприятии, является троичность воззрений на мир (Троица в христианстве), что также нашло свое отражение в языке: *Один кинул – не докинул, второй кинул – перекинул, третий кинул – не попал; одного не знаю, другого – не вижу, третьего не помню* (смерть, возраст, рождение).

Оппозиция «этот – следующий». Мир всегда воспринимается в динамике, как череда следующих друг за другом явлений или событий (*пора пройдет – другая придет*). В этом ряду также находятся пословицы о фатальности происходящего, о понимании жизни как круговорота испытаний или бед, которые всегда сопровождают в жизни и которые необходимо преодолеть: *пришла беда – жди другой; одна беда не угасла – другая загорелась; от беды бежал – да в другую попал*. Понимание последовательности также связано со сменой и преемственностью поколений: *Другие по живому следу Пройдут твой путь за пядью пядь* (Б. Пастернак). Более того, исследователь Е.В. Падучева указывает еще на одну особенность местоимения *иной*. При перечислении и противопоставлении в отличие от *другого* для местоимения *иной* непринципиальным является указание на первого или второго объекта из перечисляемых либо противопоставляемых: *иному мило, иному постыло; иной и в годах, да вертопрах, а иной и молодой, да деловой; иной хлеб достает горлом, а иной – горбом; иной – туды, а иной – сюды; иной так, а иной сяк. Иному жарко, иному холодно* [17, с.152].

В завершении данного небольшого исследования хочется отметить, что наши выводы не претендуют на полный охват и обобщение возможных национально-культурных смыслов, на которые указывают действительные элементы *другой/иной*. Данная работа представляет собой эмпирическое описание лишь некоторых из них в аспекте характерного для русской ментальности концептуального двоемирия на материале определенных контекстов из фразеологии, паремии и художественного дискурса. Местоимения *иной/другой* до сих пор сохраняют свою историческую семантическую общность, что проявляется в их участии при репрезентации бинарных оппозиций: «я – не я»; «свой – чужой»; «такой – не такой»; «я – как ко мне»; «один – второй»; «этот – следующий». При этом все же функциональная нагрузка местоимений *иной/другой* различна, в особенности в противопоставлении реального и духовного, физического и метафизического, конкретного и отвлеченного.

Список литературы

1. Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991. С. 3–5.
2. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 90–93.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. М.: Русские словари, 1997. 411 с.

4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997. С. 40.
5. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. М.: Языки русской культуры, 2017. 592 с.
6. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства: Монография. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.
7. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629–650.
8. Иванова С.В. Дейктико-аксиологическая природа лингвокультурологической категории «свой–чужой» // Homo loquens в языке, культуре, познании: Ч. I. Уфа, 2010. С. 120–132.
9. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
10. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика: Межвуз. сб. науч. тр. Владимир, 1989. С. 5–12.
11. Словарь русского языка. В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1981.
12. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 5-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2002. 400 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: Пер. с нем. 3-е изд., стереотип. М.: Азбука-Терра, 1996. Т. I. 576 с.
14. Труфанова И.В. Лексикографический портрет местоимения *иной* // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2017. № 8 (3). P. 509–518.
15. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М.: Языки русской культуры, 1999. 448 с.
16. Шувалова И.Е. Семантика русских местоимений. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2007. 142 с.
17. Падучева Е.В. О трансформациях прономинализации: глубинные структуры предложений со словами один, другой // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 152.
18. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.

**QUASISYNONYMY OF RUSSIAN PRONOUNS *ДРУГОЙ/ИНОЙ*
IN A LANGUAGE REPRESENTATION OF CONCEPTUAL DUALITY AS THE BASIS
OF RUSSIAN MENTALITY**

М.Т. Shakenova

The anthropocentricity of modern linguistics has given rise to new directions which were in turn developed into independent branches with their own object, subject, and research methods: cognitive linguistics, ethnolinguistics, linguoculturology, pragmatolinguistics, conceptology etc. The principle that unites these branches is that both the human and the language in various trichotomies are central to them: «language – human – thinking», «language – human – culture», «language – human – people», «language – human – mentality», «language – human – discourse», etc. Representative function of the human factor in language can be performed by units at different levels: lexical-semantic, phraseological, grammatical, etc. In this paper, we attempted to explore deictic elements as the implicitly expressed media in the discourse of the culturally significant information. The deictic function of the pronouns *другой/иной*, as our study shows, makes it possible to objectify the culturally significant meanings of the Russian mentality, which is manifested in the conceptual dual world distinctive to the Russian people.

Keywords: linguoculturology, Russian language, mentality, concept, concept sphere, national code, linguistic representation, deixis, dual world, opposition.

References

1. Logicheskij analiz yazyka: Kul'turnye koncepty. M., 1991. S. 3–5.
2. Kubryakova E.S. Koncept // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Pod obshch. red. E.S. Kubryakovoj. M., 1996. S. 90–93.
3. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie: Per. s angl. M.: Russkie slovari, 1997. 411 s.
4. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury: Opyt issledovaniya. M., 1997. S. 40.
5. Radbil' T.B. Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2017. 592 s.
6. Shvedova N.Yu. Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva: Monografiya. M.: Azbukovnik, 1998. 176 s.
7. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629–650.
8. Ivanova S.V. Dejktiko-aksiologicheskaya priroda lingvokul'turologicheskoy kategorii «svoj–chuzhoj» // Homo loquens v yazyke, kul'ture, poznanii: Ch. I. Ufa, 2010. S. 120–132.
9. Seliverstova O.N. Mestoimeniya v yazyke i rechi. M.: Nauka, 1988. 151 s.
10. Krylov S.A. O semantike mestoimennyh slov i vyrazhenij // Russkie mestoimeniya: semantika i grammatika: Mezhevuz. sb. nauch. tr. Vladimir, 1989. S. 5–12.
11. Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / Gl. red. A.P. Evgen'eva. M.: Rus. yaz., 1981.
12. Shanskij N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov. 5-e izd., stereotip. M.: Drofa, 2002. 400 s.
13. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.: Per. s nem. 3-e izd., stereotip. M.: Azbuka-Terra, 1996. T. I. 576 s.

14. Trufanova I.V. Leksikograficheskij portret mestoimeniya *inoj* // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2017. № 8 (3). P. 509–518.
15. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 448 s.
16. Shuvalova I.E. Semantika russkih mestoimenij. Kursk: Izd-vo Kurskogo gos. un-ta, 2007. 142 s.
17. Paducheva E.V. O transformacijah pronominalizacii: glubinye struktury predlozhenij so slovami odin, drugoj // Problemy grammaticheskogo modelirovaniya. M., 1973. S. 152.
18. Lihachyov D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // Izv. RAN. Ser. lit. i yaz. 1993. T. 52. № 1. S. 3–9.